

Балет рифмуется с полетом

С Ольгой БАВДИЛОВИЧ мы встретились в Москве на первом российском фестивале Вячеслава Артемова. Театр камерного танца из Владивостока был здесь единственным, имевшим в своем репертуаре постановки на музыку Артемова, в том числе его знаменитого «Реквиема», посвященного «мученикам многострадальной России».

— Ольга Владимировна, как-то не подходит вам театр под определение «провинциальный». И жанр у вас авангардный — модели-балет, и репертуар настолько оригинальный, что ему, любящая столичная публика позавидует...

— Да и Владивосток провинцией можно назвать только из-за его удаленности от Москвы. Когда я вернулась домой после окончания Ленинградского института культуры, население Владивостока чуть ли не наполовину состояло из уроженцев Москвы и Ленинграда, уехавших «на край света», спасаясь от давления и гонимый «центра». В то время у нас в городе были основаны институт искусств и научный центр, где работали, в основном, опытные московские и ленинградские профессора. Не случайно и театр наш — сначала как любительская студия — создавался при Деме ученых, где нас всечески поддерживали. Вместе с тем Владивосток был городом абсолютно не балетным.

— Это хорошо или плохо?

— Для меня — хорошо. Я ведь тоже из Ленинграда убежала, поскольку чувствовала внутреннюю необходимость вырваться из традиции. Я всегда, еще со студенчества, хотела ставить именно современный балет, а в Ленинграде тогда шарили канон, который убивал все другое, непохожее. Уверена, что останься я там, то развивалась бы совершенно иначе — под давлением той же балетной критики хотя бы. Наша критика очень консервативна, я бы даже сказала, закомплексована. Не может человек освободиться от своих комплексов, настроиться на мою волну, принять то, что я делаю, и его буквально начинает коржить. Так вот Владивосток был свободен от всего этого.

— И сразу же привал вали эксперименты?

— Да нет, конечно. От властей местных чего мы только не претерпели! И в крайком партии меня вызывали, и сотрудники КГБ у нас на концертах дежурили. Доходило до того, что у меня диплом хотели отобрать! Почему-то нельзя было танцевать босиком, нельзя танцевать в трико, нельзя танцевать под такую музыку...

— А публика?

— А публика, она — умная. Я к публике очень хорошо отношусь, например, никогда не пишу либретто, не даю трактовку своим постановкам, не объясняю, что сейчас будет исполняться и что я этим хочу сказать, — именно из уважения к публике. Я считаю, что зритель на концерте способен сам поработать головой. Сейчас владивостокская публика уже достаточно подготовлена к восприятию нашей хореографии, очень интересно реагирует на наши постановки. У нас на концертах всегда полный зал.

— Расскажите, пожалуйста, как вы подбираете репертуар.

— Я бы не сказала, что каждый раз мучительно иду «свою мелодию». Музыка приходит сама. Я готова — и музыка приходит. Она может быть любого стиля, любого направления. У меня были постановки на музыку Баха, Моцарта, Вивальди, Шостаковича, Прокофьева, современных зарубежных композиторов. Потом «пришел» Артемов. Видимо, он чувствовал, что его музыка танцевальна, хотя она очень сложна и по звуку, и по заложенной в ней философской идее. Поэтому ее и не ставит никто. А нас Вячеслав увидел на видеокассете, которая ходила по Москве, и прислал мне свои пластинки. Я послушала и поняла: это мое. А балет дает музыке еще большую силу. Так сложи-

лось наше творческое сотрудничество. Кстати, за номер на музыку Артемова «Ave atque vale» мы недавно стали лауреатами на конкурсе балетмейстеров.

— Вы склонны к философии?

— Да, меня чрезвычайно интересуют философские темы. Например, мужчина и женщина, — но не как два человеческих существа, а как два потока энергии. Или день и ночь, Земля и Космос. В танце я выхожу на любые просторы. Поэтому и сценическое пространство, в котором мы движемся, — черное. Здесь нет пола и потолка, земли и неба, это — Вселенная. Исполнители у меня не танцуют, они — летают!

— Однако при этом ваша статистика довольно пессимистична, даже агрессивна.

— Но, согласитесь, это очистительная агрессия! Выносы что-то на сцену, я всегда думаю о том, какова будет реакция зрителя. Я хочу, чтобы после наших концертов люди менялись в лучшую сторону, чтобы они становились добрее, а не стервенели. Я полностью отвечаю за то, что делаю.

— Ваши постановки очень выразительны, они отличаются высоким драматизмом.

— Московская балетная школа ориентируется на драму, ленинградская, к которой я себя отношу, — на музыку. Меня учили симфонизму в танце, и это у меня в клетках. В системе Станиславского — не из-за того, что в ней этого нет, а из-за того, как она традиционно была воспринята, — артист лишен звука. Того звука, который делает слово или движение более абстрактным и менее привязанным к конкретике. Мои исполнители с помощью своего главного инструмента — тела могут выразить что угодно.

— Как долго вы работаете с этими актерами?

— В нынешнем составе мы выступаем четыре года, но есть девочка, которая пришла ко мне восемь лет назад. У нас замечательный коллектив. Работаем на одном дыхании: я знаю, на что способны мои ребята, а они моментально схватывают

то, чего я от них хочу.

— Во Владивостоке у нас есть свой спонсор?

— Есть, в городском Доме молодежи. Причем, его директор Александр Владимирович Иодо не берет с нас денег за аренду!

— Из сочувствия к бедности?

— Да, мы не богаты. Это даже по сцене заметное действие у нас оформлено аскетично, из технических средств — только свет. Отчасти выбор такой сценографии продиктован тем, что наш театр изначально был абсолютно беден. Не на что было купить оборудование, актеры по полгода не получали зарплату...

— Как же вы перебивались?

— О том, как мы зарабатывали на театр, лучше не писать.

— А сейчас?

— Да, сейчас у нас появился спонсор — наша, владивостокская, торговая фирма «Салтра». Видите ли, у нас в городе меценатство как-то не принято — наши бизнесмены не видят в этом смысле для себя, у них свои понятия о престижности, не такие, как в Москве. Поэтому «Салтра», которая поддерживает наш театр уже в течение года, мы безмерно благодарны. Кстати, недавно желание помочь нам выразила еще одна фирма — «Собор-2».

— Местная администрация по-прежнему в стороне?

— До недавних пор городское управление культуры палец о палец не ударило, чтобы хоть как-то нас поддержать. Но вдруг в прошлом году выделило нам целых два миллиона рублей! Я же говорю — злое... Видно, что-то все-таки изменилось. И я этого страшно рада.

— Значит, мы снова сможем увидеть вас в Москве?

— В новом году мы приглашены в столицу на фестиваль современного танца.

Беседовала Ирина ОРЕХОВА

